

Глава 7

Свадьба

Цзянь Жу проснулся задолго до рассвета.

Бабушка Цзинь вместе с двумя другими женщинами сноровисто взялась за него, готова к самому важному дню в его жизни.

Прокричали первые петухи, и над крышами потянулись к небу тонкие струйки дыма. Лишь тогда Цзянь Жу наконец позволили взглянуть на себя в медное зеркало.

Он замер, глядя на своё отражение. Половина лица, с которой он почти свыкся, сегодня была безупречна: искусная работа мастера превратила его и без того тонкие черты в настоящее произведение искусства. Яркие румяна и пудра сделали кожу нежной, как лепесток цветка, а губы блестели, словно покрытые мёдом. Алая ткань нижних одежд, мягко облежавшая тело, лишь подчёркивала эту новообретённую, незнакомую красоту.

Никогда в жизни он не был так хорош.

Но вторая половина лица... Бабушка Цзинь и её помощницы сделали всё, что могли, но полностью скрыть уродливый шрам им не удалось. Напротив, безупречность здоровой стороны лишь подчёркивала его изъян, а искривлённый угол рта казался ещё более чудовищным рядом с идеальной линией губ.

Радость, на миг вспыхнувшая в глазах Цзянь Жу, медленно угасала, словно догорающий уголёк. Он отвернулся, не в силах больше смотреть на себя.

Две помощницы, надеясь на щедрое вознаграждение, принялись наперебой рассыпаться в похвалах, твердя заученные фразы о том, как новобрачный прекрасен, словно цветок лотоса, и как повезло жениху. От этих слов на душе у Цзянь Жу стало ещё горше.

Он никогда не наряжался именно из-за страха услышать нечто подобное — фальшивые комплименты, лишь подчёркивающие его уродство.

В этот миг им овладело отчаяние. Ему хотелось сорвать с себя эти одежды, смыть с лица всю краску, лишь бы не быть посмешищем.

Но он не мог обидеть бабушку Цзинь, не мог перечеркнуть их многочасовые старания. Сбравшись с силами, он заставил себя выдавить слабую улыбку.

— Спасибо вам, матушки.

Он раздал заранее приготовленные красные мешочки с деньгами. Монеты приятно оттягивали бумагу — бабушка Цзинь не поскупилась. Но Цзянь Жу, поглощённый своим горем, даже не почувствовал укола жадности.

Бабушка Цзинь заметила его подавленное состояние, но ничего не сказала.

Она отослала помощниц завтракать, велела Сяо Нину принести из кухни две миски лапши и села рядом с Цзянь Жу.

— Ешь осторожнее, — мягко проговорила она, — не сотри помаду.

— Угу, — промычал Цзянь Жу, без всякого интереса ковыряясь в тарелке.

Бабушка Цзинь какое-то время молча наблюдала за ним, а потом сказала:

— Мне казалось, ты давно смирился со своей внешностью. Почему же именно сегодня, в такой счастливый день, ты вдруг раскис?

Цзянь Жу отложил палочки.

— Я боюсь, что вечером, когда второй молодой господин снимет с меня покрывало, моё лицо напугает его до обморока.

— Что за глупости! — шлёпнула его по руке бабушка Цзинь. — Он уже видел твоё лицо, с чего бы ему пугаться?

Но Цзянь Жу представлял себе эту сцену слишком живо: полумрак комнаты, дрожащее пламя свечей, двое наедине... Он и сам бы испугался на месте второго молодого господина, такого хрупкого, почти неземного.

Видя, что уговоры не помогают, бабушка Цзинь тяжело вздохнула. Она встала, плотно прикрыла дверь, а затем вернулась и, сев напротив, легонько ущипнула его за руку.

— Глупый мальчик, — сказала она. — Послушай, что я тебе скажу.

Цзянь Жу поднял на неё глаза. Взгляд старой женщины был полон лукавой мудрости.

— Чтобы удержать мужчину, красота, конечно, полезна. Но со временем и к ней привыкаешь.

— А что тогда нужно? — не понял Цзянь Жу.

Бабушка Цзинь поманила его к себе и, наклонившись к самому уху, прошептала несколько слов.

Цзянь Жу вспыхнул так, что, казалось, от него пойдёт дым. Он опустил голову, готовый провалиться сквозь землю.

Бабушка Цзинь от души рассмеялась.

— Прости, — сказала она, понизив голос. — Это должна была рассказать тебе мать, но раз уж так вышло... Я научу тебя нескольким приёмам. Увидишь, второй молодой господин от тебя потом ни на шаг не отойдёт.

Цзянь Жу готов был умереть от стыда, но, несмотря на смущение, внимательно выслушал и запомнил всё, что сказала ему мудрая женщина.

Весь оставшийся день прошёл как в тумане. Цзянь Жу послушно делал всё, что ему велели: сидел, когда говорили сидеть, брал деньги, когда велели брать. К вечеру, когда он поклонился названным родителям и его, с покрытой головой, усадили в свадебный паланкин, сердце его всё ещё трепетало от неуверенности.

Опуская занавеску, бабушка Цзинь шепнула ему:

— Второй молодой господин обернулся, чтобы посмотреть на тебя.

Цзянь Жу почувствовал, как дрогнули его пальцы, и на душе стало немного спокойнее.

Под оглушительный треск хлопушек паланкин тронулся, плавно покачиваясь в такт шагам носильщиков. До его слуха доносились звуки музыки свадебного оркестра, а сквозь них — мерный стук копыт.

Когда его вывели из паланкина, он увидел под краем покрывала стройную фигуру в таком же алом наряде. Белая рука с тонкими пальцами взяла другой конец красной шёлковой ленты, и Цзянь Жу, словно во сне, последовал за своим мужем.

Сама церемония почти не отложилась в его памяти. Даже когда они оказались в свадебных покоях и бабушка Цзинь что-то наставляла его, он слышал её слова как сквозь вату. В ушах всё ещё отдавался тот самый мерный стук копыт.

Спустилась ночь. В комнате потрескивали красные свадебные свечи. Через какое-то время вошла бабушка Цзинь и принесла ему немного еды.

Цзянь Жу медленно ел, слушая её рассказы о том, что пир ещё в самом разгаре и гости не собираются расходиться.

— А второй молодой господин... он пьёт вино? — с тревогой спросил он.

Бабушка Цзинь с тёплой улыбкой посмотрела на него — уже беспокоится о муже.

— Не волнуйся. Ему нельзя, он пьёт воду вместо вина.

Цзянь Жу с облегчением вздохнул.

Когда бабушка Цзинь ушла, комната снова погрузилась в тишину, нарушаемую лишь далёкими голосами и смехом гостей.

Прошло ещё немало времени, прежде чем шум стал приближаться. У самой двери Цзянь Жу услышал строгий голос бабушки Цзинь, которая без всяких церемоний прогоняла тех, кто хотел по обычаю пошуметь в покоях новобрачных.

За дверью воцарилась тишина. Затем раздался тихий скрип, и в комнату кто-то вошёл.

— Спасибо, — произнёс чистый, с лёгкой хрипотцой голос.

— Новобрачный ждёт, — ответила бабушка Цзинь. — Ступай.

Дверь закрылась. Шаги приблизились, и сердце Цзянь Жу забилося вдвое быстрее.

Вошедший подошёл к столу, что-то взял, а затем остановился прямо перед ним. Чёрные сапоги замерли у самого края его одежд. Длинная палочка с весами на конце плавно подняла алое покрывало.

Яркий свет свечей ударил в глаза. Цзянь Жу хотел было поднять голову, но в последний момент закусил губу и отвернулся, пряча изуродованную половину лица в тени.

Палочку отложили в сторону. Прохладные пальцы коснулись его подбородка и мягко, но настойчиво повернули его лицо к свету.

Ему пришлось поднять голову и посмотреть прямо на своего мужа.

Ресницы его трепетали, но он не смел встретиться с ним взглядом, боясь увидеть в чужих глазах отвращение или, что ещё хуже, жалость. А что, если он снова упадёт в обморок? Впрочем, ничего страшного, — с отчаянием подумал Цзянь Жу, — брак уже заключён. Привыкнет.

Но больше всего он боялся услышать те же пустые слова, что и от служанок. Если бы второй молодой господин из вежливости сказал, что он прекрасен, Цзянь Жу сгорел бы от стыда. От других он мог это стерпеть, но не от него. Почему — он и сам не знал. Просто не мог.

Страх был таким сильным, что в уголках глаз собрались слёзы.

Пальцы, державшие его подбородок, отстранились и нежно коснулись его ресниц, смахивая влагу.

Затем его руку, лежавшую на коленях, накрыла другая ладонь. Он опустил взгляд. Рука второго молодого господина была белой, с тонкими длинными пальцами. Его собственная, хоть и стала мягче за последние три месяца, всё ещё хранила следы тяжёлой работы — старые мозоли никуда не делись. Он смущённо попытался отдернуть руку.

Но второй молодой господин ничего не сказал. Ни слова.

Он просто помог ему подняться и подвёл к столу.

Цзянь Жу, опустив голову, смотрел, как муж взял кувшин, наполнил две чаши и одну из них протянул ему.

Он принял чашу, вспомнив наставления бабушки Цзинь. Свадебное вино.

Второй молодой господин взял свою чашу, и их руки переплелись в ритуальном жесте.

Почувствовав терпкий запах вина, Цзянь Жу вскинул голову.

— Бабушка Цзинь сказала, что тебе нельзя пить! — с тревогой воскликнул он.

Их взгляды встретились. Цзянь Жу замер на мгновение, а затем поспешно отвёл глаза. Но этого мгновения хватило, чтобы в его памяти навсегда запечатлелся образ мужа в алом свадебном наряде. Яркая ткань отогнала с его лица болезненную бледность, и при свете свечей он был так красив, что, казалось, мог ослепить.

Второй молодой господин улыбнулся.

— А я уж было подумал, что успел тебе наскучить, и ты не удостоишь меня сегодня ни единым взглядом, ни единым словом.

— Я... я не это... — смущённо пробормотал Цзянь Жу и, снова бросив на него быстрый взгляд, увидел в его глазах теплоту и весёлые искорки. — Тебе нельзя пить, — упрямо повторил он.

Второй молодой господин вздохнул с притворной обидой.

— В жизни человека не так много счастливых дней. Неужели ты не позволишь мне в нашу брачную ночь выпить чашу вина со своим супругом?

От слов «со своим супругом» Цзянь Жу залился краской.

— Только одну, — после долгой внутренней борьбы наконец сдался он.

Второй молодой господин снова улыбнулся, и в свете свечей его улыбка показалась ещё прекраснее.

— Только одну, — тихо повторил он.

Больше они не проронили ни слова. Их руки были сплетены, и они, глядя друг на друга, осушили свои чаши до дна.

После этого второй молодой господин снова взял его за руку.

— Уже поздно, — сказал он. — Пора отдыхать.

<http://bllate.org/book/13681/1212216>